

УДК 339

К вопросу определения стратегии выхода из кризиса и сохранения качества жизни

Зиятдинов А.Р.

Кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры управления персоналом
Казанского социально-юридического института

Рассматривается практика определения минимизации социальных последствий финансово-экономического кризиса, переживаемого Россией. Используя сравнительные экономические подходы к сохранению качества жизни в РФ и США, автор дает оценку эффективности антикризисных действий российского правительства, предлагает свое видение путей решения этих проблем.

Ключевые слова: качество жизни, антикризисные меры, социальные издержки, стратегия выхода из кризиса.

Взрыв финансового виртуального «общества благоденствия» и низших слоев среднего класса США, усвоившего правила и стиль жизни богатых, не боящихся жить в кредит, без заботы о реальном обеспечении печатаемых денежных знаков и ценных бумаг, сегодня вновь поставил вопрос о целесообразной модели экономического развития и жизнеустройства современного социума. По мере возрастания масштабов и глубины экономического кризиса поиски путей выхода и нейтрализации его социально-экономических последствий снова возвращают российское общество к хорошо известным праволиберальным и неолиберально-монетаристским подходам при выработке правительственных антикризисных мер и программ.

Праволиберальные стратеги призывают к снижению бюджетных расходов и налогов и выделению бюджетных субсидий частным банкам и корпорациям, выкупу у обедневших на миллионы и триллионы долларов активных хозяйствующих субъектов «токсичных активов», дальнейшее снижение учетной ставки для разблокирования финансовых потоков. Именно по этому пути пошло Правительство Российской Федерации в 2008 году, когда поняло, что надежда отсидеться в «тихой гавани» от разрушительного влияния кризиса эфемерна. На поддержание банковского сектора были выделены 7 триллионов рублей, 90 % которых не дошли до реального сектора экономики, а были конвертиро-

ваны в американскую валюту в зарубежных банках, точно также как это имело место в 1998 году, когда случился дефолт, последствия которого до сих пор не преодолены. Если учесть, что долги российских банков и крупных компаний превышали на начало 2009 года 110 млн. долларов, то российским налогоплательщикам еще долго придется расплачиваться за гламурный стиль жизни хозяев этих «кровеносных систем и двигателей экономики» на рубеже тысячелетий. Остается только надеяться, что из этой инерционной по своей направленности амплитуды действий российского правительства, его идеологов и стратегов будут сделаны правильные выводы на перспективу и внесены серьезные коррективы.

На этом фоне привлекает к себе внимание возвращение стран Евросоюза к неокейнсианской стратегии и практике экономического развития в течение «славного послевоенного тридцатилетия». На наш взгляд, золотое сечение проходит, как всегда, посередине, вбирая в себя все позитивное из всех имеющихся теорий и подходов к поиску ответа на новый и очень жесткий вызов начала XXI века. Не случайно Председатель Евросоюза Николя Саркози во второй половине 2008 года предложил не только скоординировать антикризисную программу Еврозоны, но и создать общий фонд помощи странам, оказавшимся в наиболее критическом положении. Нынешний президент США Барак Обама еще до своего прихода в Белый дом продекларировал на-

мерение придать расходам государства социальную направленность, направив бюджетные инвестиции на создание 4 миллионов новых рабочих мест к 2011 году.

Предполагается, что общая сумма чрезвычайных государственных затрат на нейтрализацию социальных последствий финансово-экономического кризиса в США и Евросоюзе составит 3,5 % внутреннего валового продукта каждого из этих центров современной мировой экономики. По мнению многих экспертов, к которому присоединяемся и мы, предстоит смена нынешней экономической парадигмы на новую, требующую установления разумных рамок «аморального и контрпродуктивного культа безудержного потребления» [1]. Добавим от себя: для немногочисленных групп населения, ибо абсолютное большинство этого состояния аморального и контрпродуктивного культа безудержного потребления либо не может себе позволить, либо попросту не доживает. Образно и доходчиво выразил стоящую перед человечеством начала XXI века дилемму лауреат Нобелевской премии по экономике Амартия Сен, считающий, что речь надо вести не о том, быть за капитализм или против него, а о необходимости поставить рынок и капитал на их место. Сегодня мы нуждаемся в том, чтобы вернуться к таким фундаментальным ценностям, как справедливость, гуманизм и подлинная свобода для всех. Не стали сенсационными заявления демонстрантов на улицах Нью-Йорка, Лондона о кончине капитализма как строя, не сумевшего решить ряд острых социальных проблем общества.

Исходя из этого, полагаем очень своевременным возвращение к слегка забытому в последние годы в российском обществоведении, но тем не менее, очень важному, используемому всем мировым сообществом глобальному инструменту, каким является государственное регулирование качества жизни. При этом будем отталкиваться от статистики докризисного десятилетия (1998-2008 гг.), давшего стране возможность существенно воспользоваться этим «золотым временем».

Вопрос о том, почему качество жизни наших граждан, выраженное в показателях продолжительности жизни, заметно ухудшилось в 1986-1999 гг., не требует особых пояснений, поскольку здесь проявилось крайне негативное влияние разрушения социалистических принципов и обвального перехода на капиталистическую систему хозяйствования. Иное дело – объяснить, почему в 2000-2009 гг. при некотором повышении длительности жизни в РФ этот показатель в США увеличивался быстрее, хотя в обоих случаях развитие народного хозяйства происходило на базе родственных капиталистических отношений.

По нашему мнению, подобно тому, как социалистическое строительство возможно на базе различных моделей (СССР, Куба, Китай, Вьетнам), так и развитие капитализма мы наблюдаем по различ-

ным схемам. Одна из них, по которой РФ двигалась под руководством Б. Ельцина, – это капитализм либерально-компрадорского типа, который подстраивался под иностранный капитал на первых этапах накопления капитала.

Однако по мере укрепления экономических и – что не менее важно – политических позиций отечественных предпринимателей в среде крупного бизнеса, а также в связи с усилением его экономической мощи росла конкуренция за перераспределение рентной прибыли в пользу российской олигархии. Это простимулировало переход к либерально-олигархическому капитализму, что и предопределило создание в России сотни долларовых миллиардеров и мультимиллионеров. Соответственно коэффициент дифференциации доходов россиян в 1999-2009 гг. повысился, по данным Росстата, с 14 до 17 раз, а по данным ООН этот показатель уже достиг более 40 пунктов; при этом коэффициент смертности остался на уровне 1999 года, видимо, сказались результаты миграции россиян, благодаря которой значительная часть населения переселилась на более благоприятные по природным условиям территории. Например, за последние 8 лет под руководством губернатора Р. Абрамовича Чукотка сократила численность своего населения в 1,5 раза, Магаданская область – в 1,4 раза, а в Южном федеральном округе число жителей возросло на 1,5 млн. человек (+ 6 %).

В США, в отличие от России, за тот же период дифференциация доходов практически не изменилась, а потому экономический рост (по крайней мере, в процентах) отразился довольно равномерно на доходах всех социальных групп, чему в немалой степени способствовала существенно повышенная ставка налогообложения богатых, серьезная бюджетная поддержка бедных, большая доступность здравоохранения, образования, жилищного строительства и т.п. Всё это тоже капитализм, но не олигархический, а либерально-демократический. В показателях динамики качества жизни он уступал темпам, достигнутым в советские 1926-1985 гг., а позднее – показателям коммунистического Китая (прирост ожидаемой продолжительности жизни в последние 20 лет составил в Китае 4 года против 3,2 в США), однако обеспечил заметно лучшие показатели, чем олигархический капитализм в России.

Исходя из содержательных отличий российского и американского капитализма, можно предвидеть, как будет сказываться нынешний экономический кризис на развитии экономики и качества жизни в РФ и США. О многом в этой связи говорят те мероприятия, которые уже начинают осуществляться. Так, если бы в России, по примеру Соединенных Штатов, одной из антикризисных мер стала минимизация процентных ставок за кредит, то можно прогнозировать повышение платежеспособности предпринимателей и населения, снижение себестоимости ряда

продуктов, а значит, рост их конкурентоспособности. Но в России ставка кредитов Центробанка, наоборот, недавно поднята до 13 %, что превращает банки из кровеносной системы экономики в их противоположность, снижает конкурентоспособность отечественной продукции, поощряет централизацию капитала за счёт вытеснения среднего и малого бизнеса, стимулирует спад производства на предприятиях, которые, по мнению клуба олигархов, не являются стратегически значимыми.

Характерно, что такое отношение крупного бизнеса к остальным участникам экономических отношений отрицательно сказывается прежде всего на имидже самого крупного бизнеса. Так, по данным исследования за 2009 год Edelman Trust Barometer («Барометр доверия Edelman»), уровень доверия к бизнесу в России упал на 10 пунктов и дошел до 42 %. Это самые низкие показатели среди 22 стран, включая КНР, Великобританию, Германию, Францию, Италию, Испанию, Мексику, Бразилию, Японию, Индию. В целом уровень доверия к национальному бизнесу в России находится на последнем месте среди исследуемых стран – 30 % (для сравнения: в Швеции и Канаде по 76 %, в США – до 61 %) [2].

Известно, что существенным фактором ограничения влияния кризиса является снижение цен. Как в США работает этот фактор, можно судить по темпам падения цен на жильё, автомобили, энергоносители. В России при поддержке государства удаётся не только тормозить падение цен на аналогичные товары, но в ряде случаев принуждать потребителей оплачивать по растущим ценам товары и услуги, на которые понижаются цены мирового рынка. Пример тому – скачкообразный рост тарифов на электроэнергию, газ, проезд на пассажирском транспорте, услуги ЖКХ, уже вынуждающие людей выходить на улицы с требованиями ограничить рост тарифов. Примерно такая же ситуация наблюдается и в отношении налогов. В США практикуется их снижение для повышения платёжеспособности отечественных потребителей, у нас же налоги снижаются для стимулирования экспортёров, имеющих, по существу, монопольное положение в своих сферах деятельности. В итоге в Российской Федерации сужается возможность поддержать спрос на немонополистическом рынке, а значит, уберечь от падения производства предприятия среднего и малого бизнеса.

На наш взгляд, не способствует минимизации кризисных издержек и российская валютная политика. Если в докризисный период она была приоритетно ориентирована на интересы по преимуществу крупных банковских и промышленно-олигархических структур, то по мере развития нынешнего кризиса раздвигаются границы обесценивания рубля относительно западных валют. Это приводит к ещё большему сужению платёжеспособности потребителей импортной продукции и увеличению изде-

ржек обслуживания внешнего долга за счёт российских налогоплательщиков; при этом по экспертным оценкам доходы экспортёров возросли в 2009 г. примерно на 1,5 триллиона рублей.

Особенно тревожны в этой связи послекризисные перспективы российской экономики. Дело в том, что, когда начнется переход от фазы кризиса к депрессии (застой на низких показателях объёмов производства), что уже прослеживается и сейчас, можно будет ожидать преимущественный рост спроса на оборудование, позволяющий осуществить техническое обновление активной части основного капитала наиболее пострадавших от кризиса государств. Вот тогда произойдет и полное осознание того, что средства «подушки безопасности» и значительной части доходов от экспорта в течение многих лет следовало максимально направлять на восстановление и поддержку разваленных в ходе «реформ» предприятий машиностроительного комплекса, прежде всего станкостроения. Политика обесценения рубля, при отсутствии отечественного оборудования, вынудит нас закупать чужое оборудование, причём расплачиваясь подешевевшими рублями. Это означает то, что фаза депрессии для РФ может оказаться более растянутой, а возврат к объёмам производства товаров, которыми Россия располагала ещё в 1989 году, продлится не менее, чем до 2012-2013 гг.

При оценке эффективности антикризисных мероприятий в целях улучшения качества жизни важно обратить внимание на способы государственного участия в разрешении тех противоречий, которые к моменту кризиса накопила капиталистическая система ведения хозяйства. Вряд ли было целесообразно выделение нескольких триллионов рублей на спасение фондового рынка, обслуживающего в основном спекулятивные операции монополистических структур, об этом свидетельствует спад курса российских акций более чем в 2 раза по сравнению с американскими. Затем Правительство России выделило ещё 1,3 триллиона рублей для покрытия долгов самых известных крупных частных собственников перед зарубежными компаниями. Обвинения Премьер-министра В.В. Путина, высказанные в марте 2010 года этим крупным «акулам бизнеса» об отсутствии у них социальной ответственности, подтверждает неэффективность предпринятых шагов. Одновременно было направлено в несколько раз меньше ресурсов на помощь реальному сектору экономики, так и не дошедшей до него. При этом сокращены социальные расходы бюджета на повышение и индексирование заработной платы бюджетников, социально незащищенных групп населения.

В США мы наблюдаем несколько иную тактику и стратегию действий. Там уже не боятся национализировать контрольные пакеты акций компаний и корпораций, доказавших свою неспособность эффективно вести хозяйство на основе частной собствен-

ности в условиях кризиса. Для трех американских автогигантов условием начала обсуждения вопроса о финансовой поддержке послужило требование к управленцам отказаться от собственных высоких зарплат и премиальных, от использования элитного транспорта – в качестве одного из факторов снижения издержек и повышения конкурентоспособности производства. С сожалением приходится констатировать, что в России такой резерв преодоления кризиса остаётся невостребованным и даже не обсуждаемым, а потому выход из туннеля американцы, скорее всего, увидят раньше, чем нам это будет позволено принципами продолжающегося развития по олигархической модели.

В немалой степени это связано с тем, что экономический блок правительства страны не может прогнозировать динамику инфляции, ошибки прогнозов на год достигают 1,5-2 раза. Вряд ли можно рассматривать как реальное решение проблем минимизации социально-экономических последствий кризиса публикацию Министерством экономического развития РФ в октябре 2008 г. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, в которой утверждалось, что в стране «в целом обеспечена макроэкономическая стабильность».

Исходя из этого вывода, в конце ноября 2008 г. был узаконен бюджет РФ на 2009 г. с прогнозируемыми доходами около 11 трл. руб. А всего через месяц министр финансов А. Кудрин сообщил, что согласно новым оценкам доходная часть бюджета будет меньше, как минимум, на 2 трл. руб. При этом до сих пор ничего не говорится о том, что показатели Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ подлежат серьезной корректировке. Вызывают обоснованные вопросы обещания за 2007-2020 гг. увеличить ВВП на душу населения почти в 2,2 раза, поднять среднюю реальную зарплату в 3,3 раза, а трудовую пенсию довести до уровня почти трёх прожиточных минимумов. Здесь нет экономических обоснований положения страны при ее выходе из нынешнего кризиса, отсутствует прогноз

последствий очередного циклического спада, более чем вероятного в 2017-2019 гг., и активно обсуждаемого в западной экономике.

Придётся уточнить и такой прогнозируемый показатель повышения качества жизни россиян, как рост средней продолжительности жизни к 2025 году до 75 лет (на 2 года ниже уже достигнутого Кубой). Если учесть, что для достижения таких показателей качества жизни США потребовалось 42 года, вряд ли реально решить подобную задачу в России за 17 лет. Надо учитывать все усугубляющуюся социальную поляризацию, тенденции усиления которой в нашей стране не удастся остановить, не изменив принципов оплаты труда в соответствии со стандартами передовых западных экономик.

Таким образом, нынешний кризис – не только сложно разрешимая проблема для основной массы населения, но это также и время испытания на сравнительную эффективность различных систем ведения хозяйства, в частности капитализма олигархического, либерально-демократического, а также неонэповской модели экономического развития, реализуемой в современном Китае. В ближайшие годы станет ясно, какой из этих вариантов успешнее решает проблему темпов роста производства и особенно качества жизни по показателям роста продолжительности жизни, уровня смертности, преступности, роста доходов, снижения разрыва между бедностью и богатством. Соответственно, мыслящей части населения мира, в том числе и россиянам, предстоит сделать важный вывод о наиболее целесообразных путях и перспективах социально-экономического развития нашего общества.

Литература:

1. Рубинский Ю. Пузырь, который лопнул. Мировой кризис: в поисках виновных и спасителей // Независимая газета. – 2009. – 18 февраля.
2. URL: [http:// www.soc-otvet.ru/](http://www.soc-otvet.ru/) (дата посещения 9 марта 2010 года).

On the issue of determining of strategy for disaffiliation with crisis and securing life quality

A. Ziyatdinov
The Kazan social-law institute

Practice of determining of social consequences minimization of financial crisis in Russia is considered in the article. The author presents his assessment of effectiveness of crisis management measures taken by Russian government by using comparative economic methods to save life quality in Russia and in the USA; the author also presents his vision of solutions of the problem.

Key words: life quality, crisis management measures, social side effects, disaffiliation with crisis strategy.